

УДК 811.161.1'37

К ПРОБЛЕМЕ АБСОЛЮТНЫХ АГНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА*

THE CASE STUDY OF ABSOLUTE AGNONYMS IN RUSSIAN

Э. В. Фомин

E. V. Fomin

*БОУ ВПО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары*

Аннотация. Работа посвящена изучению слов русского языка с неуверенным толкованием – абсолютных агнонимов, которые в свое время нашли лексикографическое отражение в словаре В. И. Даля. Автором статьи главным образом рассматриваются слова, распространенные в урало-поволжском региолекте русского языка. Как правило, абсолютные агнонимы являются результатом заимствований, и при их семантизации необходимо обращаться к контактологическому материалу. Семантизация абсолютных агнонимов, приведенная в настоящем исследовании, происходит на собственно русском, тюркском и финно-угорском языковом материале.

Abstract. The work is dedicated to the words of the Russian language with an uncertain definition that were presented in the dictionary by V.I. Dal. The author mainly deals with the words of the Volga-Ural region. Absolute agnonyms are often the result of borrowings, and under the semantization it is necessary to turn to contactology material. In the present study the semantization of agnonyms of the Russian language relies on the Russian, Turkic and Finno-Ugric material.

Ключевые слова: *абсолютные агнонимы, семантизация, русский язык, языковые контакты.*

Keywords: *absolute agnonyms, semantization, the Russian language, language contacts.*

Актуальность исследуемой проблемы. Абсолютные агнонимы – слова и словосочетания с неизвестным значением. Наличие такого рода единиц в языках с высоким уровнем научного описания представляется невозможным, однако явление абсолютной агнонимии, как показывают наблюдения, присуще многим из них.

В чувашском языкознании проблема абсолютных агнонимов так или иначе уже стала объектом научных изысканий (см. работы А. М. Ивановой и Э. В. Фомина). В ходе семантизации проблемной лексики чувашского языка рабочая группа обратила внимание на наличие абсолютных агнонимов и в русском языке, в частности обнаружилось, что значительное их число содержится в словаре великорусского языка В. И. Даля, например:

бузивок? новорос. ‘годовалый теленок?’ **Бузник?** новорос. ‘годовалый валух, клadenый баран’ [2, т. 1, 238];

водла? тверс. ‘важность’. *Водлый* ‘важный’. *Водлужь?* ср. (*вдоль?*) арханг. ‘место в теле, в мясе, где много сухожилия’; ‘суковатое и свилеватое место в дереве’ (сомнительно) [2, т. 1, 379];

музыка? тверс.-осташ. ‘материя, гной’ [2, т. 2, 597];

спидон? костр. ‘род пирога’ [2, т. 4, 486].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00045)

Настоящая работа посвящена семантизации абсолютных агнонимов русского языка на урало-поволжском материале. Исследование зачинает этимолого-семантическое изучение абсолютных агнонимов, бытующих в русском языке.

Материал и методика исследований. Теория агнонимов в отечественной лингвистике, делающая упор на функциональной составляющей проблемы, была заложена на материале русского языка трудами В. В. и А. В. Морковкиных [4]. Между тем существуют абсолютные агнонимы, исследование которых должно проводиться преимущественно в этимологическом и семантическом аспектах. В обозначенном ключе прежде всего развивается чувашская теория агнонимов.

Чаще всего семантизация абсолютных агнонимов сопровождается проведением исследований методами ближней этимологии, т. е. достаточным признается обнаружение осознаваемых фонетических и семантических аналогий в контактирующих языках (при этом нелишним представляется наличие дополнительных подтверждений объективности формулируемых выводов).

Результаты исследований и их обсуждение. Абсолютные агнонимы русского языка, еще в XIX в. имевшие распространение в поволжско-уральском регионе, являются единицами собственно русского, тюркского и финно-угорского происхождения.

Абсолютные агнонимы собственно русского происхождения.

Бонда? симб. ‘звонок на шее скота, ботало’ [2, т. 1, 201].

Настоящее слово ономатопоэтического происхождения, состоит из двух частей – *бон* и *да*, последовательно имитирующих звуки, возникающие при касании языка нашейного колокола стенки. В принципе слово является парным, ср. с аналогичными образованиями *диль-дон*, *бим-бом*, при этом в данном случае бондой уже называется сама вещь, а не издаваемые ею звуки.

Сапсим? оренб.-челяб. ‘неуклюжий, неповоротливый человек’ [2, т. 4, 227]. То же значение приводится в областном словаре русского языка 1852 г. [5, 197].

Вероятнее всего, *сапсим* следует возвести к русскому *совсем*, искаженному на татарской почве. При этом тюркскими словарями *сапсим* не фиксируется.

Чувильн(к?)а волж. ‘птичка, пташка; печенье *жаворонки* (обрядовое печенье ко дню памяти сорока севастьянских мучеников в виде птичек – Э. Ф.), на 40 мучеников; глиняная уточка, свистулька’ [2, т. 4, 1008].

Из двух альтернативных форм В. И. Даля правильным следует признать вариант *чувилька*. Это слово собственно русского происхождения (от звукоподражания чириканью птиц). Аналогии можно обнаружить и в других языках, например, в чувашском: *чѣвѣл* [чѣв’ъл’] – звуки, издаваемые птицами [1, т. 15, 279]. Допустимая в чувашском языке форма, не зафиксированная словарями, – *чѣвѣлке* (уменьшительно-ласкательное от *чѣвѣл*), означающая качество «постоянно щебетать» в отношении птенцов или небольших птиц, например, ласточек и стрижей, а также детей.

Косора? вят. ‘пни в воде?’ ‘рычаг, которым их вытаскивают?’ [2, т. 2, 285].

Безусловно, у В. И. Даля описка вместо *кокора* ‘пень, лежащий на дне реки’ [5, 86].

Этимология слова *кокора* неизвестна. С одной стороны, оно может быть тюркским заимствованием, ср.: чув. *кукър* / *кокър* / *куккър* / *коккър* ‘кривой; кривизна; угол (в избе); поворот, излучина (реки и т. п.)’; тоб., кирг., кр.-тат. *кыңыр* ‘косой, кривой, согнутый’; тат. *кыңгыр* ‘косой; несправедливый’; уйг. *көкрү* ‘косой, кривой; негодный’. МарГ. *кагыр*, марЛ. *кадыр* ‘кривой; кривизна; изгиб’, удм. *кокрырес* ‘согнутый, изогнутый’ < тюрк. [11, т. 1, 303]. Вместе с тем не исключено его славянское происхождение: *кокора*, *кокорь*, *кокорыга* ‘кривое дерево, ствол дерева с сучьями, принесенный течением реки’, *ко-*

користый ‘упрямый, своенравный’, серб.-цслав. *кокоравь* ‘crispus’, болг. *кокорко* ‘щеголь, франт’, сербохорв. *кокорав* ‘хохлатый, растрепанный, косматый’, словен. *kokora* ‘пучок волос, локон’, польск. *kokora* ‘кривое дерево, дуга’ и др. [10, т. 2, 282–283].

Абсолютные агнонимы тюркского происхождения, бытующие в русском языке, очень часто этимологически сложно возвести к какому-либо конкретному источнику, ибо тюркские языки очень близки между собой. Не случайно в дооктябрьские времена в русской научной литературе определения «тюркский» и «татарский» функционировали как абсолютные синонимы.

На общем тюркском однообразном фоне благодаря своей фонетической неповторимости выделяются лишь чувашизмы.

В словаре В. И. Даля содержится ряд абсолютных агнонимов, имеющих отношение к чувашскому языку.

Сиуган оренб. из чув. ‘холод, стужа, стыль, стыдь, мороз’ [2, т. 4, 319].

Это слово отдаленно напоминает чувашское, но прямых аналогий в нем не обнаруживается. По-видимому, *сиуган* представляет собой двухчастное сложное слово: в нем не выдержано требование закона сингармонизма, согласно которому в слове должны содержаться гласные одного ряда; здесь же сочетаются переднеязычное *и* и заднеязычные *у* и *а*. Ко всему прочему, в чувашском языке сильно развит синтаксический способ деривации, когда предметы, явления, действия называются не новым производным словом, а определенным словосочетанием.

Итак, первый компонент в слове *сиуган* – *сиу* – можно возвести к чувашскому *сивё* ‘холод; холодный; холодно’, второй компонент – *ган* – скорее должен быть постоянным причастием на *-ан*, логически и фонетически возможно предположить, что этим компонентом может быть *тухан* ‘зачинающий(ся)’: *сивё тухан* ‘зачинающий(ся) холод’.

В чувашском языке развита причастная номинация, ср.: *автан* ‘петух’, букв. ‘кукарекающий’; *сёмрен* ‘стрела’, букв. ‘разрушающий’; *вёренекен* ‘ученик’, букв. ‘обучающийся’. В чувашском языческом пантеоне также частотны названия в форме постоянного причастия на *-ан* (*-ен*), например: *перекет тытан* ‘сбережение держащий’ [1, т. 9, 167]; *турь алакне усан* ‘дверь бога открывающий’ [1, т. 14, 157]; *ял тытан ырй* ‘заведующее деревянной божество’ [1, т. 4, 177].

То, что *сиуган* – сложносоставное слово, не вызывает возражений. Бесспорно видеть в его первом компоненте чувашское *сив(ё)* ‘холод; холодный; холодно’. Второй компонент на *-ган* пока еще нуждается в этимологизации.

Черяж? казан. ‘небольшая кадочка’ [2, т. 4, 987].

Данное слово представляет искаженную форму чувашского *чёрес* ‘чиряс; посуда из выдолбленного ствола (преимущественно липы, редко осины)’ [1, т. 15, 287]. М. Фасмер русское *чиряс* ‘кувшин с носиком для пива’ возводит к чувашскому *tšéres* (т. е. *чёрес* [чър’эс]) ‘долбленный бочонок’ [10, т. 4, 366].

Звукопереход *с > ш*, наблюдаемый в *чиряс* ~ *черяж*, присущ чувашским заимствованиям в марийском языке и не допускает исключений. Поэтому можно предположить, что *черяж* – историзм чувашского происхождения в казанском региолекте русского языка, отмеченный марийским посредством.

В иных случаях, когда в поволжском региолекте русского языка выделяются маргинальные тюркизмы нечувашского типа, более вероятным представляется говорить именно о татаризмах.

Карино? вят. ‘очень много, пропасть, множество’ [2, т. 2, 149]. То же толкование дается в областном словаре русского языка 1852 г. [5, 80].

Слово это произошло от названия большого татарского села Карино в современном Слободском районе Кировской области. Селение Карино с конца XV в. являлось центром Каринского татарского стана. Каринские князья держали в повиновении удмуртов и бесермян (согласно документам того времени, *човашей*) и совершали набеги на вятичей. Этимологически *Карино* восходит к имени родоначальника династии каринских арских князей *Кара-бек*, он же *Шайх-Мансур* [12]. Первоначальное собственно татарское название селения – *Нукрат* (< тат. *Нократ* ‘Вятка’), ср. с удм. *Карагурт* букв. ‘селение Кара(-бека)’.

Происхождение *карино* не вызывает сомнений, однако его семантическое развитие пока еще не нашло объяснений.

Леклек? ‘белая цапля, чапура, *Ardea alba*’ [2, т. 2, 402].

В. И. Даль отмечает знаком вопроса саму лемму. Можно предположить, что сомнение вызывает не фонетический облик слова, как это было в предыдущих случаях, а само его существование в русском языке. С другой стороны, несуществующее слово не может сопровождаться уверенным толкованием.

Как бы то ни было, *леклек* является татаризмом, ср.: тат. *ләкләк* ‘аист’ [9, т. 1, 718]. Значения татарского и русского слов коррелятивно взаимосвязаны.

Маскал? казан. ‘насмешник’ [2, т. 2, 491].

Слово является арабизмом, опосредованным татарским языком: тат. *мыскыл* ‘насмешка; шутка’, см. также чув. *майшкъл* ‘насмешка, издевательство’; мар. *мыскылаш* ‘издеваться, насмехаться; изнасиловать’; мордЭ. *музголямс* ‘насмехаться’; удм. *мыскыл карыны* ‘насмехаться’ [11, т. 1, 352]. Кроме того, в татарских диалектах зафиксированы фонетически более близкие формы: *маскар*, *мақсар* ‘шутка, забава’ [8, 469]. Звукопереход *p ~ л* мог произойти уже на русской языковой основе.

Сатовка? оренб. ‘меновая киргизская торговля’. *Сатоха* кавк. ‘торжок, на который приезжают горцы’ [2, т. 4, 229].

Слово общетюркского происхождения [11, т. 2, 67–68]. В тат. *сату* ‘торговля, продажа’; чувашском *суту / сутӑв* ‘тж’. В данном случае отмечается звукосоответствие *в* (оренб.) ~ *х* (кавк.) через оглушение *в > ф* и уподобление *к ~ х* на русской основе, т. е. *сатовка – сатохка – сатоха*. Слово в русском употреблении обросло суффиксом *-ка*.

Танак, танык, таныка перм. (тат.?) ‘дока, мастер, знаток,мышленный делец’ [2, т. 4, 642].

В татарском языке *танык* – свидетель [9, т. 2, 312], ср. также: *танықлы* ‘знаменитый, известный’; *танықсыз* ‘неузнаваемый’ [8, 605], где *-лы, -сыз* – аффиксы наличия и отсутствия чего-либо, за исключением которых под *танық* следует подразумевать знаменитость, известность, узнаваемость. Семантика *танак, танык(а)* ‘свидетель’ в пермской фиксации представляет результат развития на русской основе татарского *танық*.

Абсолютные агнонимы финно-угорского происхождения.

Кочомка морд.? ‘ломоть, краюха хлеба’ [2, т. 2, 295].

В данном случае замечание лексикографов относится к этимологической части словарной статьи, проверить которое в настоящее время не представляется сложным: рус. *кочомка* ≤ мордЭ. *кочом* ‘краюха’ [7, 235]; мордМ. *кочам* ‘краюха’ [6, 194].

Лымарь перм. ‘рослый, высокий и видный человек’? *Лым* ниж.-макар. ‘процент, лихва, рост, накоп, ростовые деньги’ [2, т. 2, 456].

Слово имеет следы удмуртского происхождения. По С. А. Максимова, у глазовских удмуртов есть выражение *лым ужен узырмыны* ‘разбогатеть дневной работой’, где *лым* восходит к древнеудмуртскому *лун* ‘день’, для ср.: др.-перм. *лун* ‘день; юг’, *лунвыив* ‘юг; южный’, *луна* ‘днем’; совр. удм. *нунал* < *лунал* ‘день’ [3, 163].

Можно предположить следующий путь развития слова: удмуртизм *лым* (< *лун*) 'день' в русском контексте начал означать ростовые деньги по аналогии с весенним удлинением долготы дня; *лымарь* 'большой высокорослый человек' возникло на основе ноообретенного значения *лым* путем словопроизводства посредством суффикса деятеля *-арь*.

Пакан? перм. 'растение борец', см. 'лютик' [2, т. 3, 12].

Основой пермского *пакан* является удмуртское слово, содержащее такой компонент, как *бака* 'лягушка' (в свою очередь являющийся татарским заимствованием), ср.: *бакакуар* 'мать-и-мачеха' (в татарском языке лютик – *казаяк*, букв. 'гусиные лапки').

Лютики – одно- и многолетние растения с едким и иногда ядовитым соком, произрастающие на берегу прудов, озер и рек. Латинское название – *Ranunculus* < *rana* 'лягушка' (по географии произрастания в воде или рядом с ней, подобно лягушкам).

Резюме. Абсолютные агнонимы, обнаруженные в словаре великорусского языка В. И. Даля, являются новой сферой семантико-этимологических исследований русской лексики. В настоящей работе нашла отражение лишь небольшая часть абсолютных агнонимов, паспортизированных Урало-Поволжьем. Рассмотренные слова нередко представляют причудливое смешение разноязычного материала. Возможно, многие зафиксированные в словаре лексические единицы не более чем результат идиолектных макаронических употреблений. Тем интересней их исследование, поскольку в итоге могут быть изучены межъязыковые переходные состояния слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашмарин Н. И.* Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки (Словарь чувашского языка) : в 17 т. – Казань ; Чебоксары, 1928–1950.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. – М. : АСТ ; Астрель, 2004.
3. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.
4. *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Русские агнонимы. – М. : Астра семь ; Русские словари, 1997. – 414 с.
5. *Опыт областного великорусского словаря*, изданный вторым отделением Императорской академии наук. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1852. – 256 с.
6. *Русско-мокшанский словарь*: 34000 слов / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск : Красный Октябрь, 2012. – 556 с.
7. *Русско-эрзянский словарь*: около 30000 слов / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск : Красный Октябрь, 2012. – 623 с.
8. *Татар теленең зур диалектологик сүзлеге* (Большой диалектологический словарь татарского языка). – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2009. – 839 б.
9. *Татарча-русча сүзлек* (Татарско-русский словарь) : 2 томда. – Казан : Мәгариф, 2007.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. – 3-е изд., стереотип. – СПб. : Азбука, 1996.
11. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
12. *Чураков В. С.* Влияние политики Великих князей Московских в отношении Каринских арских князей на формирование этнической территории удмуртов // Иднакар. – 2007. – № 2. – С. 74–78.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

арханг. – архангельское; болг. – болгарский язык; волж. – волжское; вят. – вятское; др.-перм. – древнепермский язык; кавк. – кавказское; казан. – казанское; кирг. – киргизский язык; костр. – костромское; кр.-тат. – крымско-татарский язык; мар. – марийский язык; марГ. – горномарийское наречие марийского языка; марЛ. – лугомарийское наречие марийского языка; морд. – мордовские языки; мордМ. – мокша-мордовский язык; мордЭ. – эрзя-мордовский язык; ниж.-макар. – слово Макарьевского уезда Нижегородской губернии; новорос. – новороссийское; оренб. – оренбургское; оренб.-челяб. – оренбургско-челябинское; перм. – пермское; польск. – польский язык; рус. – русское; серб.-цслав. – язык церковнославянских памятников сербского извода; сербохорв. – сербохорватский язык; симб. – симбирское; словен. – словенский язык; тат. – татарский язык; тверс. – тверское; тверс.-осташ. – слово Осташковского уезда Тверской губернии; тоб. – говор тобольских татар; тюрк. – тюркские языки; удм. – удмуртский язык; уйг. – уйгурский язык; чув. – чувашский язык.